

УДК 341.9:165

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО И ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ: ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАТИКИ ОТРАЖАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

© Колобов Р. Ю., 2018

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, г. Иркутск

Продолжается начатое в предыдущем номере журнала поисковое исследование, посвященное определению теоретико-философского основания международного взаимодействия национальных правовых систем. В исследовании развивается идея А. А. Рубанова об использовании марксистского варианта теории отражения для описания и объяснения связей и отношений между национальными правовыми системами. Настоящая статья содержит категориальный (понятийный) анализ статике отражательных процессов — выделяются ключевые понятия теории отражения, необходимые для описания механизма отображения в правовых системах. Во-первых, определяются отражающие и отражаемые системы и их части, а также производится систематизация отражательных отношений между различными частями правовых систем. Этот шаг необходим, поскольку использование теории отражения предполагает противопоставление субъекта и объекта отражения. Во-вторых, выделяется понятие образа отображенного явления путем определения содержания и формы отображения. Такие характеристики содержания образа, как предметность (объективированность), избирательность и адекватность, позволяют объяснить некоторые закономерности регулирования общественных отношений, осложненных иностранным элементом. При анализе формы отображения применяется общеправовое деление формы на внешнюю и внутреннюю (удвоение формы) в трактовке В. С. Тютютина. Предлагаемые теоретические модели иллюстрируются современным нормативным и правоприменительным материалом. Продолжение этого исследования планируется в следующих статьях, в которых будет проведен формально-логический анализ динамики отражательных процессов, содержательный анализ отражательных процессов, а в дальнейшем, после достраивания теоретических оснований теории А. А. Рубанова, — критика этого подхода и интегрирование полученных результатов в иные теоретико-философские подходы.

Ключевые слова: теория отражения, международное частное право, правовая система.

Настоящая статья продолжает предыдущие изыскания [1], посвященные предложенному А. А. Рубановым [2] подходу о применении теории отражения для объяснения международного взаимодействия национальных правовых систем. В предыдущей статье были рассмотрены основные философские и социологические подходы к пониманию теории отражения. В настоящем исследовании мы проведем формально-логический анализ статике отражательных процессов путем выделения отражающей и отражаемой системы, а также содержания и формы отображения. Такой категориальный (понятийный) анализ является необходимым условием перехода к содержательному анализу отражательных процессов. Иначе говоря, если теория отражения выступает действительным основанием объяснения взаимодействия правовых систем, а не удобной метафорой, то необходимо установить, что в чем отражается, и описать основные результаты такого отражения.

Начало этих рассуждений должно иметь место в поиске опорного определения правовой системы, причем такое определение

должно укладываться в избранное философско-социологическое направление. При всем своем широком распространении понятие «правовая система» — достаточно новое для отечественной юриспруденции. В 1979 г. Ю. А. Тихомиров писал: «В то же время все большее признание получает идея “правовой системы”» [3]. Аналогичным образом высказывались и другие правоведы того периода, подчеркивая новизну этого понятия и неустоявшиеся представления о его содержании. «Следовательно, *введение* (выделено мной. — Р. К.) в научный оборот понятия “правовая система” (в принципе, оно уже плодотворно используется в литературе) не должно изменить сложившегося в нашей науке категориального аппарата», — писал в 1980 г. С. С. Алексеев [4]. Л. Б. Тиунова в 1985 г. отмечала, что «в понятийный инструментарий правовой науки *последних лет* (здесь и далее в цитате выделено мной. — Р. К.) прочно вошли понятия “правовая система”, “система права”, “система правовой надстройки”, “*национальные правовые системы*”...» [5].

Определения правовой системы, предлагаемые в рамках классических подходов отече-

ственной теории права (как советского, так и современного периодов), во многом схожи. С. С. Алексеев предлагал такую дефиницию: «правовая система, следовательно, — это все позитивное право, рассматриваемое в единстве с другими активными элементами правовой действительности — правовой идеологией и судебной (юридической) практикой. Таким образом, частями (элементами) правовой системы являются: собственно объективное (позитивное) право как совокупность общеобязательных норм, выраженных в законе, иных признаваемых государством формах позитивного права; правовая идеология — активная сторона правосознания; судебная (юридическая) практика» [6]. Л. Б. Тиунова в цитируемой статье писала, что в правовой системе существуют такие подсистемы элементов ее структуры, как сфера сознания (правосознание), сфера практической деятельности, а также правовые нормы и акты [7].

Такого рода трактовки характерны и для современного этапа развития науки. Определяя элементный состав правовой системы, например, В. А. Шиянов в своем диссертационном исследовании указывает, что ее формируют объективное право, юридическая практика (правотворческая, правоприменительная, судебная и т. п.), правовая идеология [8]. Остановимся на таких определениях как свойственных отечественному традиционному пониманию правовой системы. В целях дальнейшего анализа выделим следующие элементы правовой системы.

Первым элементом являются правовые нормы — правила поведения, выраженные в различных формах, сами составляющие собой систему — систему права.

Второй элемент — это юридическая практика, которая классически понималась как «объективированный опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов (судов, других органов применения права), складывающийся в результате применения права при решении юридических дел» [9]. В наших целях мы не будем ограничиваться только правоприменением, а рассмотрим все формы реализации права. С. С. Алексеев при анализе состава правовой системы включает в ее состав также субъективные права и обязанности [10]. В наших целях мы назовем этот элемент правовой системы процессами и результатами правореализации (для краткости также — правореализация). Поскольку социальное отражение в марксистском обществоведении понимается как воспроизведение общественного бытия в общественном созна-

нии, то выделение этого второго элемента в правовой системе требует некоторых пояснений. Практика сама по себе как деятельность государственных органов, коллективов и индивидов есть проявление общественного бытия. Но в целях проводимого исследования нам интересна не эта деятельность сама по себе, а, с одной стороны, — те правовые результаты, которая она создает (субъективные права и обязанности), с другой — идеологическая сторона процесса правореализации [11].

Третьим элементом правовой системы выделим правовую идеологию. Наиболее общей категорией по отношению к правовой идеологии в марксистском обществоведении выступает общественное сознание. Правовое сознание представляет собой его форму. В избранном философском направлении содержание общественного сознания предопределяется общественным бытием. Радикально это мысль выражена у В. И. Ленина: «Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т. е. развивающуюся материю, так общественное познание человека (т. е. различные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает экономический строй общества» [12]. В общественном сознании и его отдельных формах выделяются идеология и общественная психология. Идеология выступает в виде систематизированного сознания (теории, учения), в противовес общественной психологии, которая охватывает несистематизированные взгляды, эмоциональные и волевые элементы общественного сознания [13]. Правовое сознание, таким образом, также уместно рассматривать с позиций правовой идеологии и правовой психологии [14]. В настоящей статье мы рассмотрим в качестве элемента только правовую идеологию как проявление систематизированного общественного сознания.

Отношение отражения предполагает разделение отражающей и отражаемой систем [15]. Поскольку правовая система, согласно используемому определению, состоит из трех основных элементов (система права, правореализация и правовая идеология), то и отражательные процессы правовых систем могут проявляться в этих трех элементах. Иностранную правовую систему может отражать *система права, процессы и результаты правореализации и правовая идеология*. То есть во всех этих трех элементах может воспроизводиться в специфической форме иностранная правовая система. Так как любая правовая система состоит из указанных трех

элементов, то каждый их трех элементов отражающей правовой системы может отражать каждый из трех элементов отражаемой правовой системы. Например, система права России может отражать систему права США, процессы и результаты правореализации и правовую идеологию США. В актах российских правоприменительных органов могут отражаться и система права иностранного государства, и акты правоприменительных органов иностранных государств, и правовая идеология.

Систематизируем объекты отражения в зависимости от того, какой элемент системы права выступает в качестве отражающего.

В качестве отражающей системы может выступить система права **(1)**. Что может отражать система права? Очевидно, что система права одного государства может отражать систему права другого государства **(1-1)**. Но объект отражения (отражаемое) в данном случае тоже может быть разным. Во-первых, правовая система одной страны может отражать иностранные системы права «вообще» **(1-1.1)**. Например, действующее российское право отражает факт существования иностранных систем права помимо себя. Эти образы (отображения) обнаруживают себя в самых различных нормах. Наиболее четко — в нормах законодательства о международном частном праве. Например, ст. 1186 ГК РФ содержит правило, устанавливающее порядок определения применимого права при наличии в отношении иностранного элемента. Статья 1191 ГК РФ определяет способы установления содержания иностранных правовых норм, и в ней находит свое отражение факт наличия иностранных правовых систем (иностранного права «вообще»). Семейное законодательство устанавливает правила признания браков, заключенных на территориях иностранных государств в соответствии с *нормами иностранного права*. Статья 12 УК РФ, определяя действие уголовного закона в пространстве, предполагает наличие правовых систем других государств. Социальное отражение может проявляться и в случае, если отображающая правовая система отказывается в придании какого-либо юридического значения нормам иностранного права. Такой отказ — это тоже отображение факта существования. В этом вопросе мы расходимся с А. А. Рубановым, который отмечал, что возможны случаи, когда иностранное право «отказывается» отражать иностранные правовые системы [16]. Примеры, приводимые А. А. Рубановым в части отказа признания

существования советской правовой системы французским правом [17] или осуществления Японией мер по закрытию страны [18], предполагают наличие другой правовой системы и, соответственно, в рассматриваемой парадигме — отражают существование иностранных правовых систем. Очевидно, что свойство отражения в материалистической системе координат внутренне присуще любой правовой системе и даже самые «закрытые» правовые системы все равно его обнаруживают [19]. Социальное отражение в этом смысле схоже с отражением в индивидуальном сознании: человек не выбирает, отражать ему или нет, он отражает действительность всегда. В этом свойстве право схоже и с другими человеческими объективациями, например с литературой и искусством. М. А. Лифшиц показывает это на примере работ В. И. Ленина и Г. В. Плеханова о творчестве Л. Н. Толстого: «Зависимость литературы от общественной жизни Плеханов понимал как психологическую зависимость художника от окружающей его среды. Эта сторона материалистического понимания истории развита им настолько односторонне, что она заслоняет тот коренной исторический факт, согласно которому искусство и литература являются отражением внешней действительности, зеркалом объективной, всесторонней человеческой практики» [20].

Система права одного государства может отражать систему права конкретного государства **(1-1.2)**. Например, система права России может отражать существование права Украины путем установления правил о порядке и условиях применения права Украины на территории России в связи с воссоединением Крыма и Российской Федерации. Пункт 3 ст. 20 Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополь» [21] закрепляет, что до создания нотариальных палат двух новых субъектов Федерации нотариальные действия на их территориях совершаются лицами, уполномоченными на это в соответствии с законодательством Украины. При совершении нотариальных действий указанными лицами может применяться законодательство Украины.

Система права одного государства может отражать отдельные нормы иностранной правовой системы и их совокупности **(1-1.3)**. Очень удачно это обстоятельство описывает

А. А. Рубанов: правовая система может надеяться иностранную правовую норму свойствами юридического факта [22]. Изменения в отображаемой правовой системе (появление, изменение норм) будут влечь за собой изменение в другой правовой системе (отображающей). Ярким примером такого отражения являются ответные меры. Нормы, вводящие ответные ограничения, будут представлять собой отображения (образы). В эту же рубрику необходимо, очевидно, отнести и совокупности норм. Речь идет, например, о рецепции. Внедрение иностранного нормативного акта в конкретную правовую систему будет представлять собой отображение существования совокупности иностранных правовых норм.

Три приведенных объекта отражения представляют собой не что иное, как проявление логической связи «всеобщее — особенное — единичное». Поэтому, когда речь идет об отражении отдельной нормы, мы вправе говорить и об отражении отдельной системы права (особенного) и системы права «вообще» (всеобщего). Отражение же системы права «вообще» предполагает и возможность отражения отдельной нормы.

Система права одной страны способна воспроизводить в себе, в своих структурах наличие иностранной правовой практики (правореализации) (1-2). Наиболее четко проявляется воспроизведение иностранных актов правореализации, осуществляемых в форме правоприменения (1-2.1). Закрепление в процессуальном законодательстве процедур признания и исполнения решений иностранных судов (гл. 45 ГПК РФ) есть не что иное, как воспроизведение иностранных актов правоприменения, но в тех формах, которые доступны системе права, — в ее нормах. Как и в случае с отражением иностранной системы права, иностранные акты правоприменения «вообще» могут отражаться в нормах системы права (1-2.1.1), что знаменует собой упомянутая гл. 45 ГПК РФ. Возможно отражение актов применения отдельной страны (1-2.1.2) — например, в российской системе права отражается наличие актов правоприменения Республики Беларусь в виде норм соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь от 17 января 2001 г. [23]. Отражательное отношение этого типа может существовать и в формате 1-2.1.3 — т. е. система права может отражать конкретные иностранные акты правоприме-

нения. Примером такого отражательного отношения служит Федеральный закон № 297-ФЗ от 3 ноября 2015 г. [24] и в особенности его статья 4. Эта норма несет на себе явный отпечаток иностранных актов правоприменения, а именно решения арбитража (г. Гаага, ППТС) по иску Hulley Enterprises Limited, Yukos Universal Limited, Veteran Petroleum Limited к России.

Отражаемым объектом может выступать реализация права в иных формах, не связанных с правоприменением, — использование, исполнение и соблюдение (объединим их все в одну рубрику 1-2.2) как «вообще» (1-2.2.1), так и конкретных прав и обязанностей, возникших под действием конкретной правовой системы (1-2.2.2). Так, в системе права существуют нормы, признающие права собственности, возникшие под действием иностранных правовых норм. Выделение этого объекта отражения означает, что нормы системы права воспроизводят в себе (отражают) наличие субъективных прав и обязанностей, возникших под действием иностранных правовых порядков.

Наконец, логически вычленимо и отражение в системе права правовой идеологии, существующей в иностранном государстве (1-3). Система права будет воспроизводить в своих структурах взгляды, идеи и представления, составляющие часть общественного сознания иностранного государства. Как часть надстройки система права может отражать части надстроек других обществ. Ранее мы уже упомянули, что в материалистической социологии вовсе не отрицается возможность отражения надстройкой надстроек другого общества. В интересующем нас формально-юридическом ключе нормы права одного государства могут выражать представления о праве, существующие в других государствах. Отражение иностранной правовой идеологии «вообще» (1-3.1) мы можем встретить, например, в той же статье 1191 ГК РФ, которая предписывает при установлении содержания иностранных правовых норм придавать значение доктрине, существующей в иностранном государстве. На уровне особенного (1-3.2) английская правовая идеология нашла свое отражение, например, в Указе Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2296 «О доверительной собственности» [25], или доктрина «снятия корпоративной вуали» (как проявление единичного, т. е. как конкретное учение, 1-3.3) — в разных положениях гл. 4 ГК РФ (в ред. Федерального закона № 99-ФЗ от 5 мая 2014 г. [26]). В статье 1211 ГК РФ

(п. 1 и 2) нашла отражение теория характерного исполнения, имеющая швейцарское происхождение.

В качестве второй отражающей системы могут выступать процессы и результаты правореализации **(2)**. То есть в этих явлениях в свойственной и специфической для них форме могут воспроизводиться разные составляющие иностранных правовых систем. Наиболее отчетливо просматривается отражение иностранных правовых систем в такой форме правореализации, как правоприменение **(2.1)**. Акты правоприменения отражают иностранную систему права **(2.1-1)**, причем во всех ее проявлениях. В судебном решении воспроизводится и существование систем права вообще **(2.1-1.1)**, и систем права отдельных стран **(2.1-1.2)**, и, разумеется, отдельных норм и их совокупностей **(2.1-1.3)**. Применяя право страны продавца, судья и в процессе правоприменения, и в его результате воспроизводит все указанные смыслы иностранной системы права как объекта отражения.

В правоприменении могут отражаться акты правореализации иных стран **(2.1-2.1)**. Упомянувшееся диалектическое соотношение всеобщего, особенного и единичного позволит логически вычленив различные виды отражательного отношения **2.1-2.1**. Определение российского суда о признании и принудительном исполнении решения иностранного суда воспроизводит в себе факт существования иностранных актов правоприменения «вообще» **(2.1-2.1.1)**. Указывая на конкретную страну и воспроизводя факт существования конкретного иностранного судебного решения, обнаруживают себя и отношения **2.1-2.1.2, 2.1-2.1.3**. Например, в известном решении Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56-48129/2014 воспроизводится (отражается) решение Окружного суда Варшавы от 24.09.2007 г. по делу № II С 1306/06 о выдаче земельного имущества (а вместе с тем и польских актов правоприменения, и иностранных актов применения в целом).

Аналогичные выводы применимы и при построении отражательного отношения **2.1.-2.2** (отражение иных форм правореализации в правоприменительном акте). Решение российского суда, опирающееся на права, возникшие в иностранном государстве, воспроизводит эти права во всех смыслах **(2.1-2.2.1(2)(3))**.

Акты правоприменения отражают и иностранную правовую идеологию **(2.1-3)**, ей может придаваться непосредственное юриди-

ческое значение. Примером такого отражения может служить небезызвестное в среде специалистов по корпоративному праву решение Арбитражного суда Красноярского края по иску МУП «Ачинские коммунальные системы» к индивидуальному предпринимателю С. Н. Зыкову (№ А33-18291/2011). Разрешая дело, суд указал на применение доктрины «снятия корпоративных покровов», а также на ее первое проявление — английский судебный прецедент *Salomon v. Salomon*. Здесь в свойственной для социального отражения опосредованной форме проявилось отражение иностранной правовой идеологии.

Правовая идеология **(3)** отражает иностранные правовые системы во всех их проявлениях. Систематизированные представления о правовых явлениях, существующие в обществе, воспроизводят в своих структурах и системы права, и акты правореализации, и иностранную правовую идеологию. Эти отражательные отношения очевидны, поэтому детальное их раскрытие было бы излишним в формате статьи.

Таково базовое соотношение отражающих и отражаемых составляющих правовых систем. Таким образом, говоря о том, что правовые системы способны к взаимному отражению в рамках материалистической парадигмы, мы, в зависимости от отражающего элемента, можем иметь в виду разные проявления этого отражения.

Отражение как свойство информационных систем предполагает не только отделение отражающей и отражаемой систем, но и выделение образа отображенного объекта. Образ отраженного явления характеризуется содержанием и формой. Вопрос о понятии формы и содержания в философии решался и решается также по-разному. В целях соблюдения единства методологического подхода мы будем придерживаться материалистической трактовки этого соотношения.

Обратимся к содержанию образа. Его определение позволяет устанавливать те характеристики, которые в большей степени зависят от воздействующего объекта (собственно содержание), и отграничить их от тех характеристик, которые в большей степени зависят от носителя отражения (форма отражения).

Содержания отображений характеризуются, прежде всего, сходством с оригиналом, которое является не случайным, а закономерным, т. е. это сходство предопределено каким-то типом связи объектов: сходство изменения одного предмета под влиянием другого есть эффект процесса взаимодействия

этих объектов, основанием такого сходства служит закон (формула, уравнение), которому подчиняется это взаимодействие [27].

Структурная характеристика — центральная при описании образа отображенного явления. Как подчеркивает В. С. Тюхтин, понятие структуры обладает качеством универсальности: «Элементами структуры могут быть не только вещественные, относительно неделимые части объекта, но также его свойства, связи и отношения, состояния, стадии и этапы движения и развития» [28]. Структуры делятся на «...статические (строение организма, сооружения), динамические, отображающие законы динамики микро- и макроповедения; параметрические (устойчивые зависимости одних свойств от других); законы развития и, наконец, переменные структуры в виде алгоритмов поведения объектов» [29].

Структуры иностранных правовых явлений будут сохраняться при изменении отражающей системы, иными словами: они инвариантны относительно этих изменений. В системе права, в правореализации и правовой идеологии структуры образов иностранных правовых явлений будут сохраняться.

Так, при отражении иностранной правовой системы «вообще» (1-1.1) в содержании образа получает отражение ее элементный состав (упомянутая ст. 1191 ГК РФ указывает, что при установлении содержания норм иностранного права необходимо принимать во внимание практику применения этой нормы, официальное толкование и доктрину), направленность этой системы на регулирование отношений. Результаты и процессы правореализации будут также отображать строение отображаемых явлений. Решение российского суда по делу с иностранным элементом, содержащее в себе отсылку к зарубежному праву, прежде всего воспроизведет структуру правовой системы «вообще» путем указания на необходимость обращения к официальному толкованию, практике применения и доктрине иностранного государства. Там же найдет свое воспроизведение строение этой правовой нормы, с тем чтобы реализовать ее регулирующее воздействие. Иностранная правовая норма воспроизведется в том виде, который она имеет в своей «родной» правовой системе.

В определении российского суда о признании и принудительном исполнении решения иностранного суда (2.1-2.1) мы увидим статическую структуру иностранного правоприменительного акта. Воспроизведение структур правовой идеологии в правоприменитель-

ных актах также имеет место. В упоминавшемся деле № А33-18291/2011 суд выразил основное содержание (структуру) доктрины «снятия корпоративной вуали».

В правовой идеологии формирование представлений об иностранных правовых явлениях невозможно без отображения их строения — будь то структура иностранной правовой системы, нормы, правоприменительного акта или доктринальной концепции.

Содержание отображения характеризуется следующими основными признаками: абстрактность и избирательность; объективированность и адекватность.

Очевидно, что на содержание образа будет оказывать влияние упомянутое выше качество избирательности отражения — отображения более существенных свойств и отношений. Это свойство можно назвать свойством абстрактности (отвлечения), поскольку при воспроизведении иностранных правовых явлений отбрасываются несущественные стороны этих явлений.

Вторым признаком содержания образа является объективированность. «Выделенный элемент содержания, сходный с оригиналом, обратно проецируется на оригинал, т. е. объективируется, приобретая для носителя отражения объективное, предметное значение. Иначе говоря, для него выделенная сторона выступает не как его собственное состояние, а как заместитель оригинала. Без выделения отношений и структур и без такого их “объективирования” (термин Сеченова) система ориентировалась бы не во внешней среде, а в своих внутренних состояниях» [30]. Как отмечалось, признак предметности (объективированности) выделялся А. А. Рубановым в качестве основного при характеристике отражения правовых систем [31]. Действительно, все отображения иностранных правовых систем — суть проекции вовне, на свои оригиналы. С точки зрения своей системной принадлежности, они — части (или состояния) отражающих систем, но они соотношены с явлениями среды (иными правовыми системами и их элементами), т. е. для конкретной правовой системы эти образы суть заместители иностранных правовых явлений. Правовая система одной страны (отражающая система) формирует образ иностранной правовой системы в одном из отражательных соотношений (они были разобраны ранее (1-1, 2-1, 3-2 и т. д.)), который не произволен, существует не сам по себе (не независим). Проводя аналогии с чистым гносеологическим отражением, можно сказать, что правовая система точ-

но так же «ориентируется в среде»: среде окружающих социальных и природных явлений посредством создания образов. Объективированность образов, когда отражающей системой выступает система права (отражение типа **1-1, 1-2, 1-3**), проявляется наиболее четко и ясно. К примеру, Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей ГК РФ”» № 201-ФЗ от 26 июля 2017 г. [32] дополняет вводный закон к третьей части ГК РФ ст. 11, которая закрепляет, что граждане, относящиеся в соответствии с законодательством Украины к наследникам четвертой очереди по закону, могут быть призваны к наследованию до наследников пятой очереди в соответствии с законодательством России при соблюдении ряда условий. Образ (отображение) украинских норм о наследовании таким образом объективирован — он соотносен с нормами украинского права. Признак объективированности содержания образа объясняет первую закономерность правового регулирования отношений, сформулированную А. А. Рубановым: «... правовая система одной страны при регулировании общественных отношений исходит из существования правовых систем других стран и в принципе позитивно решает вопрос о придании юридического значения нормам иностранного права» [33]. А. А. Рубанов приводит примеры взаимодействия американской правовой системы с правовыми системами прибалтийских государств, которых на тот момент не существовало [34]. В данном случае присутствует отклонение от принципа объективированности (предметности) в том смысле, что отсутствует соотношенность образа и объекта, и в правовой системе возникают отображения несуществующих объектов (не соотносенных с явлениями окружающей социальной действительности). При более общем взгляде в описываемом случае все же происходит отражение явлений социальной действительности, но иных — отражаются прежде всего другие части политико-правовой надстройки США, определяющие неправильное, искаженное отражение действительности [35].

При отражении второго типа, когда отражающими системами выступают процессы и результаты правореализации (**2-1, 2-2, 2-3**), объективированность также имеет место. Теория отражения требует признать, что норма иностранного права, содержащаяся в решении российского суда, — не норма иностранного права, это ее образ, или, как иногда выражаются философы, ее заместитель.

Образ иностранного правоприменительного акта, выраженный в российском правоприменительном акте (**2-2**), — также часть российской правовой системы.

Аналогично и образы иностранных правовых конструкций в правовой идеологии — это отображения, принадлежащие самой правовой системе.

Качество соотношенности образа с предметами действительности называется адекватностью отображения. Адекватность выражается тремя признаками: достоверностью образа; точностью и полнотой (экстенсивная характеристика образа), а также глубиной содержания образа [36]. С позиции теории отражения именно адекватность закладывается как требование, содержащееся в ст. 1191 ГК РФ, — установление содержания норм иностранного права и его применение так, как это принято в праве страны, откуда происходит эта норма (т. е. образ должен соответствовать оригиналу, точно, полно и с необходимой глубиной представлять свой оригинал). Установление адекватности отображения иностранного судебного решения обеспечивается установлением запрета на пересмотр иностранного судебного решения по существу. Российский суд признает и приводит в принудительное исполнение такое решение «как есть», таково и его отображение в российской правовой системе. Адекватность отображений в правовой идеологии есть необходимое требование — вопрос наиболее сложный и требующий отдельного исследования.

Из изложенной систематизации отражательных отношений и характеристик его содержания можно заключить, что образы иностранных правовых явлений (правовых систем и их частей) могут быть двух видов. Первый вид — назовем его миметическим (подражательным) — имеет место, когда в правовой системе возникают отображения, максимально приближенные к оригиналу, и более того, когда сама отражающая система имеет целью максимально точное, зеркальное их воспроизведение, маркируя их в качестве иностранных явлений. Такого рода образы возникают, прежде всего, в отражательных отношениях типа **2.1-1.3** (отражение иностранных норм в актах правоприменения). В судебном решении, основывающемся на иностранных нормах, мы обнаруживаем их непосредственное содержание: они воспроизводятся так, как они существуют в иностранной правовой системе. Наряду с этим воспроизводится и их «контекст» (они применяются в соответствии с толкованием, практикой при-

менения и доктриной иностранного государства). В отражательном отношении **2.1-2.1** — когда отечественный суд воспроизводит содержание иностранного судебного акта — также имеет место такой тип образов. Второй тип образов — немиметический (за неимением лучшего термина назовем их пока аналитическими) — представляет собой переработку, трансформацию отраженного явления. К числу таких образов мы можем отнести, в частности, упоминавшийся пример отражательного отношения **1-2.1.3** (ст. 4 Федерального закона № 297-ФЗ, выступающая отражением иностранных актов правоприменения) [37].

От содержания отображения отличается его форма. Несмотря на традиционность использования категории «форма» в философии и специальных науках, наблюдается разное отношение исследователей к ее основным характеристикам. Прежде всего отделим понимание формы в онтологическом и логико-гносеологическом смыслах [38]. В первом значении форма есть разновидность содержания, способ его существования, проявления, зависимый от конкретных условий (например, формы жизни, формы государства). Во втором — форма должна пониматься как форма отображения. «Это отличие состоит в том, что в первом случае категория формы относится к одному и тому же объекту (содержанию), но модифицированному условиями, в которых он существует и с которыми взаимодействует. А “форма отображения” связана с двумя объектами, один из которых оригинал, а другой — носитель отображения... можно определить форму отображения как средство, способ (способы) существования, выражения и преобразования содержания» [39].

Материалистическое понимание формы предполагает ее деление на внутреннюю и внешнюю [40]. *Внешняя форма* — это субстратная часть формы, она представлена двумя элементами. Во-первых, носителем отображения, который является способами и средствами материального существования отображений. Во-вторых, характеристикой информационных свойств, посредством которых выражается содержание. Первый элемент внешней формы — носители отображения: например, состояние намагниченности магнитной ленты, механическая деформация грампластины — для аудиоотображений, бумага и холст — для произведений искусства, нейрофизиологические процессы и состояния — для животных и человека [41]. Второй — это те свойства, множество состояний которых позволяет выражать и преобразовывать

упорядоченность отображения, передавать ее получателю: «в технических системах связи используют такие свойства электрических и электромагнитных колебаний (носителей информации), как амплитуда, частота, фаза; этим свойствам соответствуют способы (методы) выражения в виде амплитудной, частотной, фазовой модуляции. В нервной системе животных и человека преобладает частотная модуляция, наиболее соответствующая свойствам и организации нервной системы» [42]. «В изобразительных искусствах, например, к этой характеристике формы отображения относятся изобразительно-художественные свойства материалов и их использование» [43]. Сходные мысли высказывал и Д. Лукач в рассуждениях о роли опосредования в эстетическом отражении. Венгерский философ указывал, что социальные объективации (например, искусство) необходимо отделять от их систем опосредования. «Подобные объективации имеют не только свою собственную закономерность — правда, лишь постепенно осознаваемую, — но и некую систему опосредования, с помощью которой только и может быть реализована как активно, так пассивно соответствующая объективация (вспомним о роли математики в точных науках, о визуальности в изобразительных искусствах и т. п.)» [44].

Внутренняя форма в избранном варианте материалистического толкования этой категории есть способы выражения и преобразования самой упорядоченности, структуры отображений [45]. Внешняя форма не входит в содержание отображения, в отличие от формы внутренней. Именно поэтому внутренняя форма рассматривается как главный элемент формы отображения вообще.

Как преломляются эти категории при использовании теории отражения для описания взаимодействия национальных правовых систем?

Внешняя форма отображенного иностранного правового явления в части носителей отображения (первый элемент внешней формы) определяется в зависимости от того, какая часть отечественной правовой системы выступает в качестве отражающей. Если это система права, то отражение принимает те формы выражения правовых норм, которые присутствуют в этой системе. Они выступают носителем отображения. К ним относятся различные виды нормативных правовых актов, судебные прецеденты и правовые обычаи. Так, в приведенных в настоящей статье примерах первой внешней формой отображе-

ния существования правовой системы Украины выступит федеральный закон: содержание образа будет иметь своим носителем именно этот вид нормативных правовых актов. Гражданский кодекс выступит внешней формой отображения правовых систем «вообще», например, применительно к ст. 1191 ГК РФ.

При отражении иностранных правовых норм в процессах и результатах правоприменения внешней формой отображения выступают соответствующие правоприменительные акты. Например, первой внешней формой отображения нормы иностранного права, примененной российским судом, будет соответствующее судебное решение. Внешней формой отображения конкретного решения иностранного суда — определение о его признании и приведении в исполнение.

В правовой идеологии внешней формой отображений иностранных правовых явлений являются доступные для наблюдателя носители отображений. Например, в юридической науке — труды ученых различного характера (книги, статьи и т. д.).

Второй элемент внешней формы отображений — информационные свойства носителей отображения. В теории отражения понятие второй внешней формы используется для описания тех свойств носителей, которые позволяют выражать и преобразовывать содержание. Фигура человека, выполненная из глины, обладает первым элементом внешней формы, представленным самим носителем, субстратом — куском глины. Второй элемент внешней формы — это ее пластичность, она позволяет преобразовать и выразить содержание — авторское видение человека. Соответственно, при формировании образов иностранных правовых явлений необходимо обнаружить такое качество первой внешней формы, такую характеристику ее информационных свойств, преобразование которых позволяет адекватно выражать окружающие социальные явления. Таким свойством выступит языковой, знаковый характер субстратной части формы. В текстуальной (в широком смысле, не только как письменного текста) форме, способной для восприятия, получают выражение любые проявления природной и социальной среды. Такое понимание формы как правового текста известно советской правовой доктине. В 1983 г. И. Н. Грязин, определяя предмет и задачи своего исследования, писал, что язык, текст права понимается в смысле опосредованной формы права: «В общем мы солидарны с Ю. А. Тихомировым, указывающим, что за-

кон (однако отнюдь не только закон! — И. Г.) является “формой существования права”, а язык закона (здесь — текстуальная форма прав. — И. Г.) — его формой» [46]. Текстовый характер выступает вторым элементом внешней формы отображения для всех составляющих правовой системы.

Внутренняя форма отображений выделяется для обозначения способов выражения и преобразования структуры отображаемого.

При отражении системой права внутренней форма — это нормы соответствующего правового акта. Именно и только в нормах при заданном философском основании может найти свое отображение иностранное правовое явление. Конкретная правовая норма (например, упоминавшаяся норма ст. 1191 ГК РФ) выступает внутренней формой отображения существования правовых систем (1-1.1). Норма ст. 409 ГПК РФ является внутренней формой отображения решений иностранных судов (1-2.1). В нормах ГК РФ (например, ст. 1202 ГК РФ) содержатся отображения доктрины «прокалывания корпоративной вуали».

Предписания актов правоприменения являются внутренней формой соответствующих явлений (суждения суда о применении иностранного судебного прецедента, иностранной правовой нормы; резолютивная часть определения о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда и пр.).

Суждения ученых, политиков представляют собой одну из основных внутренних форм отражения, когда иностранные правовые явления отражаются в правовой идеологии. Эти суждения касаются осмысления иностранных правовых норм, складывающейся судебной практики и доктрины.

Особенностью материалистического понимания соотношения формы и содержания является признание их функционального и относительного характера. В частности, соотношение внутренней и внешней форм функционально аналогично соотношению содержания и формы [47]. В случае с отражательными способностями правовых систем это соотношение также выдерживается. Отношение между нормой и нормативным правовым актом возможно (на этом уровне рассмотрения) описать как отношение содержания и формы. Отношение между нормативным правовым актом и текстом — суть также отношение содержания и формы.

Таким образом, путем введения понятий отражающей и отражаемой системы, образа, его содержания и формы описывается стати-

ка процесса отражения. В следующей статье мы проведем формально-логический анализ динамики отражательных процессов, используя разработку материалистической философии и социологии.

1. Колобов Р. Ю. Международное частное право и теория отражения: постановка проблемы и обзор литературы // Сиб. юрид. вестн. 2017. № 4. С. 89–95.

2. См.: Рубанов А. А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М., 1984. 159 с.

3. Тихомиров Ю. А. Правовая система развитого социалистического общества // Сов. государство и право. 1979. № 7. С. 32.

4. Алексеев С. С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 32.

5. Тиунова Л. Б. О понятии правовой системы // Правоведение. 1985. № 1. С. 23.

6. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М. 1998. С. 47.

7. См.: Тиунова Л. Б. Указ. соч. С. 28.

8. Шиянов В. А. Правовая система и правовая жизнь общества: теоретический аспект взаимодействия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 18.

9. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. М., 1981. С. 340–341.

10. Алексеев С. С. Право и правовая система ... С. 32.

11. В. П. Тугаринов, рассуждая о месте политики в дихотомии «общественное бытие – общественное сознание», писал: «Мы полагаем, что к общественному бытию, соответственно общему понятию бытия как существования, следует отнести всю непосредственную жизнь и деятельность общества в отличие от опосредованной общественным сознанием духовной жизни общества. Из этого понимания следует, что к общественному бытию относятся все названные формы материальных отношений (экономика, классы, нация, семья), а также та сторона политической жизни общества, которая выражается в практической деятельности государств, партий и других органов общества: войны, суды, тюрьмы, классовые битвы. Государственная и партийная деятельность руководствуется той или иной идеологией, но суть этой деятельности в практике. Практика эта относится к общественному бытию. Поэтому, по нашему мнению, политика есть область синтетическая, включающая и общественное бытие, и общественное сознание» (Тугаринов В. П. Философия сознания (современные вопросы). М., 1971. С. 119). Мы полагаем, что такое видение этого вопроса возможно и применительно к процессам и результатам правореализации.

12. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 44.

13. См.: Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. Т. 2. Теория отражения и современное естествознание и социальное познание / под ред. Т. Павлова. София, 1981. С. 386.

14. «Наряду с правовыми понятиями другим необходимым элементом внутренней структуры правосознания являются специфические социальные чувства – правовые чувства». Ленинская теория отражения и современная наука. Теория отражения и обществознание. София, 1973. С. 159. Автор главы – Георгий Наумов.

15. А. А. Рубанов подчеркивает необходимость «противопоставления субъекта и объекта отражения» и указывает на отражение правом одного государством права другого государства, а также прав и обязанностей, возникших под действием другого государства (см. Рубанов А. А. Указ. соч. С. 16). Мы полагаем, что при использовании теории отражения в качестве философского основания взаимодействия национальных правовых систем этот вопрос требует детального рассмотрения. Как указывал известный советский философ Б. С. Украинцев, «когда мы поднимаем вопрос об отображении, мы всегда должны иметь в виду, что, в чем и как отображается». (Украинцев Б. С. Отображение в неживой природе. М. 1969. С. 85).

16. «Способность права отражать объективно существующие иностранные правовые системы реализуется в тех пределах, которые определяются строем экономических отношений. Последний может требовать, чтобы в определенных случаях существование иностранного права не отражалось» (Рубанов А. А. Указ. соч. С. 62). Или в другом месте: «Последовательное проведение этого принципа некоторыми государствами неизбежно

по поведет к тому, что право этих стран окажется лишенным способности отражать национальные правовые системы немусульманских стран» (Там же. С. 27).

17. Там же. С. 25.

18. Там же. С. 41.

19. Например, при всей закрытости КНДР ее правовая система также содержит в себе отображения иностранных правовых систем – наличие международных договоров о правовой помощи и законодательства об иностранных инвестициях это подтверждают.

20. Лифшиц М. А. Собр. соч. В 3 т. Т. 2. М., 1986. С. 189.

21. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя : федер. конституц. закон от 21 марта 2014 г. № 3-ФКЗ // Собр. законодательства РФ. 2014. № 12. Ст. 1201.

22. Рубанов А. А. Указ соч. С. 9.

23. О порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь : соглашение между РФ и Республикой Беларусь // Бюл. междунар. дог. 2003. № 3.

24. О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации : федер. закон от 3 нояб. 2015 г. № 297-ФЗ // Собр. Законодательства РФ. 2015. № 45. Ст. 6198.

25. О доверительной собственности (трасте) : указ Президента РФ от 24 дек. 1993 г. № 2296 // Собр. актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 1. Ст. 6.

26. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федер. закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2014. № 101. Ст. 2304.

27. Тюттин В. С. Содержание и форма в искусстве. М., 1984. С. 5. Вопросам динамики отражательных процессов будет посвящена следующая статья, здесь же важно задать систему специальных понятий для обсуждения вопроса об отражении.

28. Тюттин В. С. Содержание и форма в искусстве ... С. 11.

29. Там же.

30. Там же. С. 7. В общем виде идея предметности выражена в материалистической философии словами Маркса: «Быть предметным, природным, чувственным – это все равно, что иметь вне себя предмет, природу, чувство или быть самому предметом, природой, чувством для какого-нибудь третьего существа». Цит по: Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991. С. 182.

31. Рубанов А. А. Указ. соч. С. 15.

32. О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» : федер. закон от 26 июля 2017 г. № 201-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4750.

33. См. Рубанов А. А. Указ. соч. С. 21.

34. См.: Там же. С. 25.

35. Вопрос о возможности неправильного отражения и объяснении возможности его существования является одной из центральных проблем теории отражения в целом. Л. Живкович, рассуждая о причинах неправильного отражения действительности, писал: «Теперь возникает важный социологический и гносеологический вопрос: если общественное сознание определено общественными условиями и, таким образом, в состоянии отразить их правильно, то почему оно отражает общественную действительность иногда неправильно и даже извращенно? ... Марксистская социология разрешает это противоречие таким образом, что объясняет неправильное отражение действительности самой этой действительностью. Она усматривает в неправильном отражении особый случай отражения в особых условиях; действительность, которая обуславливает извращенное отражение, обуславливает одновременно и адекватное ее отражение. Таким образом, неадекватное отражение возникает как особый случай адекватного отражения и совершается в его рамках. Извращенное сознание выступает как особая форма правильного сознания в определенных условиях» (Живкович Л. Теория социального отражения. М., 1969. С. 330). Так и в нашем случае. Неверное отражение иностранных правовых явлений происходит в рамках верного отражения социальной действительности. Марксистское объяснение такого явления – наличие в обществе идеологии, которая может приводить к искажению социального отражения, к идеологическому (в негативном смысле) отражению. Но это обстоятельство не отменяет основного из основных постулатов диалектического и исторического материализма, заключающегося в том, что любое отражение – это отражение единой и един-

ственной реальности (см.: Лукач Д. Своеобразие эстетического. М. 1985. Т. 1. С. 25).

36. Применительно к эстетическому и научному отражению Д. Лукач указывал, что критерии правильности отражения прежде всего должны быть содержательны — исходить из глубины, богатства отражения, из его соответствия как копии оригиналу — самой объективной действительности. Формальные моменты могут играть лишь вторичную роль, так как во взаимодействии формы и содержания приоритет принадлежит содержанию. См.: Лукач Д. Указ соч. С. 62.

37. Предлагаемое разделение видов образов имеет происхождение в античных представлениях о мимесисе. Так, в литературе по искусствоведению известно противопоставление подходов Платона и Аристотеля к оценке подражательности искусства. Владислав Татаркевич писал по этому вопросу так: «...Он (Платон. — Р. К.) понимал подражание действительности в искусстве весьма односторонне, как пассивное и правильное ее копирование. К такому пониманию его особенно склонил современная ему иллюзионистская живопись, стремящаяся к тому, чтобы изображения передавали обман действительности... Аристотель трансформировал его понятия и теорию подражания, сформировал иное, положительно оцениваемое им подражание. Его утверждения, что, подражая вещам, искусство может представить их более красивыми или отвратительными, чем они есть, что может представить, какими они могли бы и должны быть, что может (и даже должно) ограничиваться их общими, типичными, необходимыми свойствами, эти утверждения совершенно не были в согласии с платоновской доктриной подлинного подражания. Он сохранил тезис, что искусство подражает действительности, но подражание понимал не как подлинное ее копирование, а как свободное отношение художника к действительности, который может ее представлять по-своему» (Татаркевич В. История шести понятий. — М., 2002. С. 285–286).

38. См.: Тюхтин В. С. Категории «форма» и «содержание» и их структурный анализ // Вопр. философии. 1971. № 10. С. 94–95.

39. Там же. С. 95–96.

40. Материалистический взгляд на категорию формы берет свое происхождение в рассуждениях Гегеля об удвоении формы. «Форма и содержание вещи составляют ее закон. Но форма вещи двояка: есть внешняя форма вещи — ее облик и внешний вид. И есть внутренняя, содержательная форма вещи — ее внутреннее строение. Внешняя форма вещи равнодушна к содержанию, тогда как внутренняя форма, наоборот, неотделима от содержания и переходит в него. Переходит потому, что строение вещи деятельно и сама вещь есть нечто деятельное» (Труфанов С. Н. «Наука логики» Гегеля в доступном изложении. Самара, 1999. С. 63).

41. См.: Тюхтин В. С. Отражение, системы, кибернетика. М., 1972. С. 191.

42. См.: Там же. С. 192.

43. Тюхтин В. С. Содержание и форма в искусстве ... С. 14.

44. См.: Лукач Д. Указ. соч. С. 56–57.

45. См. Там же.

46. Грязин И. Текст права: Опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин, 1983. С. 19.

47. См.: Тюхтин В. С. Отражение, системы, кибернетика... С. 25.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев С. С. Право и правовая система // Правоведение. — 1980. — № 1. — С. 27–34.

Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1 / С. С. Алексеев. — М.: Юрид. лит., 1981. — 359 с.

Алексеев С. С. Право: Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. — М.: Статут, 1999. — 711 с.

Грязин И. Текст права: опыт методологического анализа конкурирующих теорий / И. Грязин. — Таллин: Ээсти раамат, 1983. — 187 с.

Живкович Л. Теория социального отражения / Л. Живкович. — М.: Прогресс, 1969. — 451 с.

Колобов Р. Ю. Международное частное право и теория отражения: постановка проблемы и обзор литературы // Сиб. юрид. вестн. — 2017. — № 4. — С. 89–95.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 23 / В. И. Ленин. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1973. — 594 с.

Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. В 2 т. Т. 2: Теория отражения и современное естествознание и социальное познание / гл. ред. Т. Павлов. — София: Наука и искусство, 1981. — 757 с.

Ленинская теория отражения и современная наука. В 3 т. Т. 3: Теория отражения и обществознание / гл. ред. Т. Павлов. — София: Наука и искусство, 1973 — 369 с.

Лифшиц М. А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2 / М. А. Лифшиц. — М.: Изобр. искусство, 1986. — 448 с.

Лукач Д. Своеобразие эстетического / Д. Лукач. — М.: Прогресс, 1985. — Т. 1. — 335 с.

Лукач Л. К онтологии общественного бытия. Прологомены: пер. с нем. / Л. Лукач; общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарского, М. А. Хевеши. — М.: Прогресс, 1991. — 412 с.

Рубанов А. А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем / А. А. Рубанов. — М.: Наука, 1984. — 159 с.

Татаркевич В. История шести понятий / В. Татаркевич; пер. с пол. Б. Домбровского. — М.: Дом интел. кн., 2002. — 376 с.

Тюхтина Л. Б. О понятии правовой системы // Правоведение. — 1985. — № 1. — С. 23–30.

Тихомиров Ю. А. Правовая система развитого социалистического общества // Сов. государство и право. — 1979. — № 7. — С. 31–39.

Труфанов С. Н. «Наука логики» Гегеля в доступном изложении: учеб. пособие / С. Н. Труфанов. — Самара: Парус, 1999. — 184 с.

Тугаринов В. П. Философия сознания (современные вопросы) / В. П. Тугаринов. — М.: Мысль, 1971. — 198 с.

Тюхтин В. С. Категории «форма» и «содержание» и их структурный анализ // Вопр. философии. — 1971. — № 10. — С. 89–98.

Тюхтин В. С. Содержание и форма в искусстве / В. С. Тюхтин, Ю. Ф. Ларкин. — М.: Знание, 1984. — 64 с.

Украинцев Б. С. Отображение в неживой природе / Б. С. Украинцев. — М.: Наука, 1969. — 272 с.

Шиянов В. А. Правовая система и правовая жизнь общества: теоретический аспект взаимодействия: дис. ...канд. юрид. наук / В. А. Шиянов. — М., 2008. — 176 с.

REFERENCES

Alekseev S.S. Pravo i pravovaya sistema. *Pravovedenie*, 1980, no 1, pp. 27-34. (in Russian)

Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava. In 2 vol. Vol. 1.* Moscow, YUrid. lit., 1981. 359 p. (in Russian)

Alekseev S.S. *Pravo: Azbuka. Teoriya. Filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya.* Moscow, Statut, 1999. 711 p. (in Russian)

Gryazin I. *Tekst prava: opyt metodologicheskogo analiza konkuriruyushchikh teorij.* Tallin, Eesti raamat, 1983. 187 p. (in Russian)

Zhivkovich L. *Teoriya sotsial'nogo otrazheniya.* Moscow, Progress, 1969. 451 p. (in Russian)

Kolobov R.YU. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo i teoriya otrazheniya: postanovka problemy i obzor liter-*

atury. *Sib. jurid. vestn.*, 2017, no 4, pp. 89-95. (in Russian)

Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij*. Vol. 23. Moscow, Politizdat, 1973, 594 p. (in Russian)

Pavlov T. (red.). *Leninskaya teoriya otrazheniya v svete razvitiya nauki i praktiki*. Vol. 2. *Teoriya otrazheniya i sovremennoe estestvoznaniye i sotsial'noye poznanie*. Sofiya, Nauka i iskusstvo, 1981. 757 p. (in Russian)

Pavlov T. (red.). *Leninskaya teoriya otrazheniya i sovremennaya nauka*. Kn. 3. *Teoriya otrazheniya i obshchestvoznaniye*. Sofiya, Nauka i izkustvo, 1973. 369 p. (in Russian)

Lifshits M.A. *Sobranie sochinenij*. In 3 vol. Vol. 2. Moscow, Izobr. iskusstvo, 1986. 448 p. (in Russian)

Lukach D. *Svoeobrazie esteticheskogo*. Moscow, Progress, 1985, vol. 1. 335 p. (in Russian)

Lukach L. Narskyi I.S., KHeveshi M.A. (per.). *K ontologii obshchestvennogo bytiya. Prolegomeny*. Moscow, Progress, 1991. 412 p. (in Russian)

Rubanov A. A. *Teoreticheskie osnovy mezhdunarodnogo vzaimodejstviya natsional'nykh pravovykh sistem*. Moscow, Nauka, 1984. 159 p. (in Russian)

Tatarkevich V. Dombrovskiy B. (per.). *Istoriya shesti ponyatij*. Moscow, Dom intel. kn., 2002. 376 p. (in Russian)

Tiunova L.B. O ponyatii pravovoj sistemy. *Pravovedenie*, 1985, no 1, pp. 23-30. (in Russian)

Tikhomirov YU.A. Pravovaya sistema razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva. *Sov. gosudarstvo i pravo*, 1979, no 7, pp. 31-39. (in Russian)

Trufanov S.N. «Nauka logiki» Gegelya v dostupnom izlozhenii. Samara, Parus, 1999. 184. (in Russian)

Tugarinov V.P. *Filosofiya soznaniya (sovremennye voprosy)*. Moscow, Mysl', 1971. 198 p. (in Russian)

Tyukhtin V.S. Kategorii "forma" i "soderzhanie" i ikh strukturnyj analiz. *Voprosy filosofii*, 1971, no 10, pp. 89-98. (in Russian)

Tyukhtin V.S., Larkin YU.F. *Soderzhanie i forma v iskusstve*. Moscow, Znanie, 1984. 64 p. (in Russian)

Ukrainsev B.S. *Otobrazhenie v nezhivoj prirode*. Moscow, Nauka, 1969. 272 p. (in Russian)

Shiyanov V.A. *Pravovaya sistema i pravovaya zhizn' obshchestva: teoreticheskij aspekt vzaimodejstviya*. Dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2008. 176 p. (in Russian)

Private International Law and Reflection Theory: the Formal (Logical) Analysis of the Reflection Process

© Kolobov R. Yu., 2018

Author continues his exploratory research commenced in the previous issue. The research is devoted to the formulation of theoretical basis of the legal systems' interaction. The article pursues the idea of using the marxist variation of the reflection theory to describe and explain the relations among national legal systems. The research contains categorial (conceptual) analysis of the static side of the reflection process: author proposes the use of key notions of reflection theory to describe the mechanisms of representation in legal systems. Firstly, the notion of the reflected and reflecting systems and their parts is given (the systematization of the reflective relations among different parts of legal systems is provided as well). This step is necessary, since theory of reflection supposes the differentiation of the subject and the object of reflection. Secondly, author formulates the notion of an image (by identifying the contents and the form of the image). Such attributes of the image's contents as objectivity, selectivity and adequacy explain some of the patterns of regulation of cross-border social relations. Analysing the form of reflection, author utilizes the philosophical distinction of inner and outer form (in V. S. Tukhtin's interpretation). This research will be continued by the formal analysis of the dynamics of reflection process. After the theoretical bases of A. A. Rubanov's theory are clear, we will propose critics of the reflection theory and integrate its advantages into a broader theoretical explanation of the legal systems' interaction.

Key words: reflection theory, private international law, legal system.